

"Если бы ты не решил сделать такую глупость, тебя бы вообще не тронули, так что смирись!" рявкнул Оширо. "Посмотри, в какую ситуацию ты меня загнал! Я не могу его отпустить: как только я это сделаю, он приведет остальных прямо к нам. И подкупить его тоже не могу, у него карманных денег больше, чем я вижу за месяц". Бормотание Оширо становилось все более отчаянным. "Не могу его отпустить... но что мне с ним делать? Если я убью его... но что, если они придут за ним?"

"Если ты убьешь меня, моя семья никогда не оставит это без внимания. Они будут охотиться за каждым из вас". Тихий голос доносился из угла комнаты. Я чуть не подпрыгнул: хотя слова его были слегка невнятные, то, как он говорил - культурно, гладко, с легким оттенком высокомерия и презрения, - сразу же исключало возможность того, что он принадлежит к рабочему классу. Тогда уж точно дворянин. Судя по тому, как исказились черты лица Оширо, он тоже это заметил. К сожалению, угроза не сработала.

"Да? Но мертвые не умеют говорить, и даже шинигами не могут читать мысли. Они никогда не смогут доказать, что это сделал я". Он самодовольно отмахнулся, подставив нож под подбородок шинигами. Шинигами поднял голову на долю дюйма, и в этот момент мне не нужно было быть читателем мыслей, чтобы понять, о чем он думает. Эти холодные серые глаза обещали мир боли и пожизненное возмездие. Они говорили: "Неужели ты думаешь, что доказательства имеют значение? Мой народ придет за мной, он отомстит за меня и, если понадобится, разорвет Руконгай на части. Я поверил ему, и это определило мои дальнейшие действия."

"Оширо-сама", - тихо сказал я. "Вы звали меня?" Я смотрел ему в глаза; с достоинством, но без вызова; поза была почтительной, но не покорной. Это было то, что я освоил за десятилетия общения с наркобаронами, боссами якудзы, людьми, которые могли убить меня в одно мгновение. Заставьте их почувствовать себя важными, но не позволяйте им чувствовать, что они имеют над вами власть. А главное, заставьте их обращаться к вам как к равному. Я сделал вид, что быстро оглядываю комнату, слегка задержав взгляд на раненом шинигами, как будто не подслушивал последние десять минут. "Что-то случилось?"

"А, сенсей", - он поднялся на ноги. "Как видите, возникли небольшие проблемы, но это не повод беспокоить вашу хорошенькую головку". Я безмятежно улыбнулся, стараясь не скрипеть зубами. "Прошу прощения, что отнимаю у вас время, но несколько моих членов ввязались в небольшую стычку. Если вы не возражаете?"

"Не стоит извиняться, Оширо-сама. Всегда рад помочь". Я ответил, направляясь к человеку с ножевой раной, руки которого уже светились зеленым. Краем глаза я заметил, как шинигами резко напрягся, расширив глаза. Мне потребовалось около часа, чтобы исцелить всех до такой степени, чтобы они хотя бы не умерли. Мало кто знал о моих способностях к исцелению; насколько было известно остальным Инудзури, я обычно исцелял людей лишь до той степени, когда рана становилась несмертельной, и я был полон решимости так и оставить. Зачем, в конце концов, тратить реяцу? Закончив перевязывать руку последнего, я нерешительно повернулся к Оширо.

"Что с шинигами, Оширо-сама?" спросил я.

"Будьте уверены, сэнсэй, о нем позаботятся. Еще раз спасибо за ваши услуги", - сказал он с явным сожалением. Я заколебался, прикидывая свои силы.

"Могу ли я высказать свое предложение, Оширо-сама?" спросил я, сохраняя ровный голос. Спросить было бы рискованно: мужчины вроде Оширо ненавидели больше, чем когда кто-то ставил под сомнение их суждения. Он сузил глаза, но жестом велел мне продолжать.

"Избавляться от него в его нынешнем виде может быть... неразумно". Не было никаких сомнений в том, что Оширо решит избавиться от шинигами. Даже если бы я не подслушивал, избить шинигами, похитить его, связать, а потом отпустить было бы равносильно самоубийству. Оширо никак не мог отпустить шинигами, если хотел остаться в живых.

"Если позволите, у меня есть другая идея, - продолжил я, видя, как Оширо застыл в гневе. "Полагаю, ваши люди нашли его после нападения пустоты?" Увидев кивок Оширо, я продолжил. "Если бы он был убит вами, шинигами, несомненно, занялись бы расследованием его исчезновения. Если они обнаружат его смерть, то, несомненно, будут искать возмездия. Даже если они не обнаружат вашей причастности, Оширо-сама, вы можете оказаться под ударом гнева его семьи. Если он умрет от руки гражданина Руконгая, то навлечет на себя весь гнев Сейрейтея". Я глубоко вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза, ничем не выдавая своего внутреннего волнения.

"Однако если бы он погиб, скажем, в результате нападения пустотника, того же самого пустотника, который убил остальных членов его отряда, скорее всего, никто бы не стал задаваться этим вопросом. В конце концов, хотя смерть от пустоты... прискорбна, она не является редкостью". Сначала Оширо ничего не понял. Затем его глаза расширились, и я практически увидел, как в его голове закрутились шестеренки.

"Ты хочешь сказать... да, это может сработать... это было бы гораздо менее рискованно и подозрительно". Он снова повернулся ко мне. "Сэнсэй, вы можете сделать так, чтобы казалось, будто его убила пустота?"

Моя улыбка стала холодной, в ней появился оттенок жестокости. "Пожалуйста, я профессионал. Подделать причину смерти - детская забава".

Оширо приказал двум людям, нашедшим шинигами, отвести его вместе со мной на место, где они его нашли. Увидев разрушенные деревья и кровь, заливающую лес, я приподнял бровь, но в остальном никак не отреагировал. Повернувшись к тем, кто тащил шинигами, я велел им положить его к поваленному дереву.

"На этом все, спасибо". Я отпустил их. Они обменялись изумленными взглядами. "Если только вы не хотите посмотреть?" сладко поинтересовался я, перебирая в пальцах рукоять меча шинигами (Оширо был не в восторге от того, что придется с ним расстаться, но я убедил его, что это необходимо для правдоподобности шарады. К тому же я сильно сомневался, что меч работает на него), когда они не сделали ни единого движения, чтобы уйти. В моей улыбке было слишком много зубов, чтобы ее можно было назвать дружелюбной. Другими словами,

уходите сейчас или в следующий раз, когда я буду вас лечить, я использую бутылку сакэ, чтобы продезинфицировать каждую вашу рану. Оба обменялись еще одним взглядом, сглотнули, поспешно отступили и пошли прочь, изо всех сил стараясь не выглядеть так, будто убегают. Как только они оказались вне пределов видимости и слышимости, улыбка на моем лице превратилась в гримасу отвращения. "Трусливые подонки", - пробормотал я себе под нос, прежде чем повернуться к шинигами, сидящему на земле с каменным лицом. Он молчал с тех пор, как мы покинули склад. Надо отдать ему должное: даже под угрозой неминуемой смерти он умудрялся сохранять атмосферу "ты-такой-далекий-от-меня-должен-быть-почтенным-я-даже-гляжу-на-тебя-так-хорошо". Я взглянул на него, и мое уважение поднялось еще на две ступеньки. С его сотрясением мозга, потерей крови и сломанными ребрами, затрудняющими дыхание, он должен был потерять сознание уже несколько часов назад. Вместо этого он смотрел на меня раскаленными кинжалами. Внутренне вздохнув, я вытащил кинжал Тацуи.

"Ты не слишком много знаешь о пустотах, если думаешь, что сможешь воссоздать вызванные пустотой травмы с помощью этого крошечного ножа", - насмешливо заметил он. Я едва удержался от того, чтобы не закатить глаза. Едва. Он напрягся, и в его глазах мелькнула паника, когда я опустилась на колени рядом с ним, подняла нож и... перерезала веревку, связывающую его руки. Логичным ходом действий, очевидно, было вывести меня из строя и отобрать нож. Но он был настолько ошеломлен, что несколько секунд только и мог, что смотреть на меня. Затем он бросился прочь, яростно работая челюстями, пытаясь и не пытаясь сформулировать свои мысли. Я наблюдала за тем, как его аристократическая маска полностью разрушилась, с нарастающим чувством веселья, прежде чем ему удалось достаточно успокоиться, чтобы откашляться.

"Что... почему... вы собирались убить меня!" крикнул он.

"Вопреки тому, как это может показаться, на самом деле у меня нет привычки хладнокровно убивать людей". сказал я язвительно.

"Но почему? Тебе бы это сошло с рук... наверное", - нехотя признал он.

"Приятно знать, что вы более высокого мнения о моем интеллекте, чем Оширо. А почему? Почему бы и нет? Я сказал Оширо, что я профессионал - ну, я целитель. Мне не нравится, когда люди страдают без причины, особенно когда я могу это предотвратить". Я пожал плечами и оставил все как есть. На самом деле мне меньше всего хотелось, чтобы в Инузури ворвалась толпа шинигами, жаждущая мести за человека, сидящего передо мной. Они разнесут район на части, не обращая внимания на то, кто попадет под удар, и как тогда я смогу защитить Рукию и остальных?

"Я мог бы убить тебя", - заметил шинигами. На этот раз я действительно закатил глаза.

"У тебя легкое сотрясение мозга, ты страдаешь от потери крови, у тебя серьезно повреждены ребра и нарушено дыхание. Я очень сомневаюсь, что вы станете пытаться причинить мне вред, когда а. вы так ранены и б. я только что спасла вам жизнь". И я был прав, не так ли? Мы разговариваем уже пять минут, а ты ни разу не достал свой меч". Я вернул ему меч и встал, делая вид, что не замечаю, как он мгновенно расслабился, как только меч оказался у него в

руке. "В любом случае, уже поздно. Я не могу сейчас помочь твоим ранам, но я оставлю тебе несколько бинтов. Если я правильно понимаю, у вас, шинигами, есть свой способ связаться с помощью, верно?" Я взглянул на него и увидел, что он напряженно кивнул.

"Я могу вызвать джигокучо, чтобы подняться. Если я могу вам чем-то помочь... я у вас в долгу".

"Если хочешь отплатить мне, не возвращайся, чтобы отомстить Оширо". Он начал протестовать, но я решительно покачал головой. "Не надо. Если станет известно, что я помог тебе, у меня могут возникнуть проблемы. Мой нейтралитет - это то, что помогает мне оставаться в безопасности большую часть времени, и это дает мне некоторую свободу действий в отношениях с некоторыми людьми. Если кто-то узнает, что я нарушил нейтралитет..." Я замялся. Шинигами заколебался, но затем, казалось, выпрямился и решительно посмотрел мне в глаза.

"Мне это не нравится - такие люди, как Оширо, должны быть наказаны. Но если таково ваше желание, я подчинюсь ему". Меня снова поразила его абсолютная уверенность в себе. Именно это, а не ухоженные волосы и изысканная одежда, выдавало его благородный статус - того, кому никогда не приходилось лгать, воровать, соблазнять и убивать, того, кто никогда не терял своей чести. Даже на складе Оширо, покрытый грязью, потом и кровью, я сразу же понял, что передо мной человек не из Руконгая, никогда не был запятнан грязными сторонами жизни. Я отвернулся, почувствовав внезапную грусть. "Тогда береги себя. Не позволяй, чтобы все мои труды пропали даром".

Только когда я вернулся домой и Рукия набросилась на меня, возбужденно рассказывая о своем дне, я понял, почему. Я смотрел на шинигами и видел в ней все, что хотел видеть в Рукии. Все, чего я никогда не мог иметь.